

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКАЯ «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»: ЦЕНА КРИЗИСА В ОТНОШЕНИЯХ МОСКВЫ И АНКАРЫ

23 декабря 2015 г. | Москва

Докладчик:

Павел Шлыков

доцент кафедры истории стран Ближнего и
Среднего Востока Института стран Азии и
Африки (ИСАА) МГУ им. М. В. Ломоносова

Трагедия со сбитым Су-24 в небе над турецко-сирийской границей заставляет по-новому взглянуть на парадигму российско-турецких отношений, для которых за последние полтора десятилетия прагматизм взаимной заинтересованности считался ключевой характеристикой. В одночасье в прошлое ушла прагматичная деполитизация отношений, служившая основой для сегментации сфер двустороннего сотрудничества по степени совпадения взаимных интересов, а на ее место пришла уже подзабытая риторика «блокового противостояния» и «политики сдерживания». Обострение отношений между Анкарой и Москвой словно вернуло нас в 1990-е гг., выведя на повестку дня целый букет конфликтных противоречий и раздражителей, о которых в 2000-е гг. на официальном уровне старались не говорить. Это и подозрения в экспансионистских устремлениях друг друга, и конкуренция в сфере транспортировки энергоресурсов, и обвинения в поддержке сепаратистских сил.

Вместе с тем в эскалации напряженности можно увидеть и следствие проблемы недопонимания интересов и стратегических приоритетов друг друга, с чем в 2000-е гг. пытались справиться как с одним из главных ограничителей на пути к реальному, а не декларативному стратегическому партнерству. Что хотело сказать политическое руководство Турции, идя на столь отчаянный шаг, как сбитие военного самолета, выполняющего боевое задание, — классический *casus belli* с точки зрения международного права? Явно полученный эффект в виде ответного удара по всем фронтам — совсем не то, на что нацеливалась и рассчитывала Анкара. На дипломатическом уровне свернуты практически все формы сотрудничества и «перекрыты» существующие каналы — от контактов между лидерами до связей между образовательными учреждениями. На торгово-экономическом — введены экономические санкции по отношению к турецким бизнесменам, наложено эмбарго на импорт широкого списка товаров из Турции. На военно-политическом — операции возмездия и наращивание интенсивности военных операций в Сирии, фактический отказ учитывать интересы Турции в сирийско-иракских делах.

Цена «холодной войны» между Москвой и Анкарой, объявленная по горячим следам политическим руководством России, крайне высока для обеих стран. Если оценивать ее в привычных для российско-турецких отношений финансово-экономических категориях, то это не только широко обсуждаемый, но так и не запущенный проект «Турецкий поток» и АЭС «Аккую» (строительство четырех блоков на \$22 млрд), но и ряд других высокобюджетных инициатив, в которые уже вложен не один миллиард долларов. Российскому бизнесу есть что терять в Турции. Сбербанк владеет пятым крупнейшим банком в Турции — Deniz Bank (более 680 отделений и 14 тыс. сотрудников по всей Турции, стоимость покупки — \$3,5 млрд). Чистая прибыль турецкого бизнеса Сбербанка — банка Deniz Bank — по итогам 2015 г. может превысить около 7,5% от общего объема чистой прибыли Сбербанка (172 млрд рублей). У «Лукойла» в Турции — сеть автозаправок Akpet, приобретенная в 2009 г. за \$555 млн (5% турецкого розничного рынка нефтепродуктов). Магнитогорский металлургический комбинат в 2011 г. запустил в турецком городе Искендерун завод по производству листового проката (объем первоначальных инвестиций — \$1,4 млрд плюс \$485 млн — на выкуп доли турецкого партнера и консолидацию бизнеса). «Альфа Групп» совместно с турецким партнером — холдингом «Чукурова» — владеет оператором сотовой связи Turkcell (объем

первоначальных инвестиций — \$3,3 млрд). Проекты в Турции реализуют «Интер РАО», «Техностройэкспорт», «Группа ГАЗ», «Яндекс» и др.

Ценности прежде всего?

Еще недавно в основе международных отношений лежал принцип экономической глобализации, взаимовыгодного сотрудничества, открытых рынков. Ради глобальной экономики (доступности товаров и услуг) государства могли пожертвовать частью своего суверенитета и даже национальных интересов, традиционными ценностями. Сейчас на первом плане — примат иных мировоззренческих ориентиров. Кризис в отношениях Москвы и Анкары — это проявление конфликта между прагматическими интересами и экономическими выгодами, с одной стороны, и внешнеполитическим достоинством и ценностно-ориентированной политикой — с другой. Представление о собственном достоинстве и значимости традиционно — в случае и с Турцией, и с Россией это проявляется очень отчетливо (достаточно вспомнить, как стремительно испортились отношения между Турцией и Израилем после инцидента с «Мави Мармара» летом 2010 г.) — обгоняет реальность. Во многом поэтому отстаивание «внешнеполитического достоинства» провоцирует конфликты и обострение межгосударственной напряженности.

Турция, как и Россия, имеет жизненно важные стратегические интересы на Ближнем Востоке. И если для России 1990-х гг. регион Ближнего и Среднего Востока (БСВ) на некоторое время выпал из сферы геополитических интересов, то на шкале внешнеполитических приоритетов Анкары, отказавшейся от кемалистского принципа благоразумного невмешательства, ближневосточное направление все три последних десятилетия только наращивало свое значение. Поэтому естественно и логично, что Анкара реагирует на любое изменение ситуации в регионе и любое действие других стран как в позитивном, так и негативном ключе. Тем более что факторов-раздражителей для российско-турецких отношений до инцидента с Су-24 накопилось достаточно много. Это и провал планов Турции по созданию бесполетной зоны на севере Сирии, что, по мнению политического руководства Турции, во многом стало результатом противодействия России. Это и запуски ракет ВМФ России из Каспийского моря, расположенного вне зоны конфликтных действий, — они трактовались турецкой политической элитой как открытая демонстрация силы, стремление «поиграть мускулами», что стало дополнительным фактором нарастания антироссийских настроений. Ближневосточная политика России в целом стала восприниматься как попытка лишить Турцию возможности влиять на ход развития событий. Ощущение, что Турция — вопреки амбициям регионального лидерства — оказалась на обочине большой ближневосточной игры, лишь усиливалось после сообщений о создании Россией координационно-информационного центра в Багдаде при поддержке Ирана, Ирака и Сирии или о том, что западные государства пришли к пониманию необходимости считаться с мнением Москвы в сирийском конфликте, несмотря на нерешенность ключевого для Запада вопроса судьбы президента Асада.

У трагического инцидента с российским бомбардировщиком есть, конечно, и чисто технические причины. Как сообщали российские официальные источники, в октябре 2015 г. были достигнуты договоренности между Москвой и США с Израилем по вопросу

создания механизма предотвращения столкновений в воздухе. Подобные механизмы обсуждались с Саудовской Аравией и другими государствами Персидского залива. Более того, еще в середине октября 2015 г. Москва официально заявляла, что на уровне военных ведомств России и Турции налажен контакт и взаимодействие для предотвращения инцидентов в воздухе. Очевидно, что 24 ноября «налаженные механизмы взаимодействия» дали сбой.

«Иранский» и «курдский» фактор

На региональном уровне конфронтации между Москвой и Анкарой способствовали два фактора, которые условно можно обозначить как «иранский» и «курдский». Достигнутое в июле 2015 г. соглашение по иранской ядерной программе означало фактическое признание странами «шестерки» увеличения роли Ирана в регионе во всех сферах (энергетической, торгово-экономической, военно-политической, культурно-идеологической и т. д.). И Россия в определенном смысле сделала ставку на «усиление Ирана» (рост его политико-экономического влияния в регионе, наращивание активности в сирийском конфликте, расширение энергетического сотрудничества с Западом и т. д.) — то есть это курс на приоритетное партнерство с Ираном в регионе и сирийском конфликте (Иран фактически стал частью стратегии России на Ближнем Востоке). Учитывая, что Ближний Восток — регион, где многополярность реализована на практике (сразу несколько держав с сопоставимым военно-политическим, экономическим и культурно-идеологическим потенциалом, соперничая друг с другом, борются за лидерство и доминирование), поддержка усиления Ирана не могла не вызывать раздражения Анкары.

«Курдский фактор» в российско-турецкой конфронтации — это болезненная реакция Анкары на возможность «курдской весны» и неоднозначные политические шаги России в «курдском вопросе». Многочисленные примеры объединения курдов региона для борьбы с «Исламским государством» — важный показатель того, что «курдский вопрос» в регионе стал звучать по-новому. Это хорошо видно на примере событий вокруг городка Джизре, где в середине сентября 2015 г. турецкие правительственные войска проводили массовые зачистки¹. Джизре стал своего рода бастионом сторонников Рабочей партии Курдистана (РПК) в Турции. Причем демонстрации и массовые акции протеста в Джизре в последний год во многом были не столько реакцией на события внутри Турции, а знаком солидарности с курдами из сирийского города Кобани, несколько месяцев державшего осаду боевиков из ИГ, в то время как турецкие военные, дислоцированные в нескольких километрах от Кобани на турецко-сирийской границе, наблюдали за происходящим, не вмешиваясь. Несколько десятков курдов из Джизре погибли во время боев за Кобани² осенью прошлого года. Еще большее число турецких курдов из других районов страны вошли в Отряды народной самообороны (YPG — Yekîneyên Parastina Gel) сирийских курдов для борьбы с ИГ. Подобная курдская солидарность — явление достаточно новое

¹ <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2259279>

² <http://www.economist.com/news/europe/21643200-dance-kurds-seeking-autonomy-government-wanting-support-dreams-self-rule>

для региона, где проблема разобщенности всегда препятствовала реализации проекта единого курдского государства³.

Продвижение ИГ по территории Ирака и Сирии в 2014-2015 гг. в определенном смысле стерло межгосударственные границы, сделав их максимально проницаемыми, и этот фактор также послужил объединению усилий турецких, иракских и сирийских курдов. Совместные действия в пограничных районах сирийских отрядов самообороны с иракскими пешмерга и турецкой РПК за последний год стали регулярными.

Для курдов, продемонстрировавших способность объединить усилия в борьбе с ИГ за свою территорию, свой народ, свою национально-культурную идентичность, в очередной раз наступил переломный момент. Но, в отличие от ситуации после двух мировых войн, когда курды проиграли на поле дипломатических переговоров, сейчас у них есть ощущение, что существует возможность для иного — более благоприятного — сценария развития событий. На севере Сирии — территории, непосредственно граничащей с Турцией, — возникла возможность появления курдского образования, которое контролируется вооруженными силами Отрядов народной самообороны. Россия, как и США, не приравнивает Отряды народной самообороны (YPG) к боевикам РПК. Более того, политические круги России открыто выказывают поддержку сирийским курдам, предлагая снабжать их оружием. Создание независимого Сирийского Курдистана — это и географическое отчуждение от прямого соприкосновения с арабским миром, и девальвация роли Турции в регионе (что неизбежно с появлением новых игроков), и дальнейшая эскалация «курдского вопроса» внутри Турции.

До инцидента с Су-24 на официальном уровне Москва дипломатично обходила курдский вопрос. Показательно заявление Путина 13 октября 2015 г. на инвестиционном форуме «Россия зовет!» о необходимости понимания того, как правильно надо выстраивать отношения на антитеррористическом треке. «Здесь у Турции много озабоченности, связанной и с курдским фактором, и с борьбой с терроризмом. Мы понимаем все эти озабоченности и, безусловно, готовы учесть в ходе нашей совместной работы»⁴. После инцидента с Су-24 ситуация изменилась. И опять можно вспомнить 1990-е гг., когда Турция обвиняла Россию в создании тренировочного лагеря РПК в Ярославской области⁵. Сегодня все больше свидетельств, что Москва ищет возможности разыгрывания курдской карты в отношениях с Турцией. Так, замминистра иностранных дел РФ Алексей Мешков, говоря, что «действия Турции, а по отдельным вопросам, напротив, ее бездействие представляют реальную угрозу безопасности Российской Федерации и российским гражданам»⁶, делает заявление и по «курдскому вопросу»: Россия выступает «за обеспечение участия в межсирийском переговорном процессе широкого круга оппозиционных сил, представляющих сирийский народ. Курды, разумеется, не должны быть исключены из этого процесса. Как и из коллективных усилий по борьбе с ИГ и другими террористическими группировками в Сирии и Ираке, где они с учетом имеющегося потенциала играют весомую роль в противодействии террористической

³ <http://www.al-monitor.com/pulse/tr/originals/2014/08/pkk-krp-peshmerga-join-forces-fight-islamic-state.html>

⁴ http://www.gazeta.ru/business/news/2015/10/13/n_7767419.shtml

⁵ <http://arsiv.sabah.com.tr/1998/10/27/r01.html>

⁶ РИА Новости <http://ria.ru/world/20151216/1342965048.html>

угрозе»⁷. Таким образом, если учесть, что РПК находится в авангарде борьбы с ИГ в Ираке и Сирии, заявления Мешкова говорят о фактической готовности Москвы политически поддерживать разных курдов, в том числе и РПК.

Геополитический выбор Анкары

События ноября-декабря 2015 г. поставили перед Турцией проблему переосмысления внешней политики России и модели двусторонних отношений. В наиболее острые моменты последних лет, когда внешнеполитические шаги Москвы вызывали обострение ее отношений с Западом, Турция делала выбор в пользу России, отношения с которой считались выгодными как с экономической, так и с геополитической точки зрения. Так, после вооруженного конфликта в Южной Осетии летом 2008 г. и обострения российско-грузинских отношений Турция пошла на расширение крайне выгодного для нее сотрудничества с Россией. В последующие два года после грузино-осетинской войны Россия и Турция заключили ключевые соглашения, позволившие политикам двух стран говорить о «стратегическом партнерстве» (АЭС «Аккую», трубопровод Самсун — Джейхан, безвизовый режим и т. д.). «Прорывные соглашения», как их окрестили СМИ, по многим параметрам были более выгодны Турции, чем России: так, соглашение о постройке АЭС «Аккую» было не только крайне затратным и рискованным проектом, но также противоречило традиционному российскому подходу воздерживаться от развития атомной энергетики в странах, импортирующих российский газ. Отмена краткосрочных виз, как бы ее ни рекламировали в России, в первую очередь служила турецким интересам. Для граждан РФ визовый режим никогда не был обременительным (визы клеивались в паспорт на границе — прямо в турецких аэропортах). Турции же было важно не только облегчить въезд своих граждан в РФ (соотношение выезжающих в Турцию россиян к приезжающим в РФ туркам составляло 30 к 1), но и найти способ сохранить лидирующее положение на туристическом рынке России. Иными словами, для России масштабные проекты в Турции были во многом политическими инвестициями.

В 2014 г., когда после кризиса вокруг Украины конфронтация России и Запада достигла своего апогея, Турция опять продемонстрировала, что ставит свои экономические интересы выше «идеологической солидарности» с союзниками по НАТО: Анкара не присоединилась к антироссийским санкциям ЕС и США и поддержала проект «Турецкий поток». Помимо возможности стать одним из ключевых игроков мирового рынка энергоресурсов, не обладая при этом их существенными запасами, Анкара тогда получила от России и другой подарок — существенную скидку на поставляемый из России газ. Однако при этом Анкара отнюдь не отказалась от проработки других альтернативных маршрутов транзита нефти и газа — из Центральной Азии на Запад, минуя Россию. Опять Москва пошла на политические инвестиции и поощрение своего стратегического партнера.

Можно было ожидать, что и в 2015 г. по итогам очередного заседания Совета сотрудничества высшего уровня (оно было отменено) будут оглашены новые «прорывные проекты», компенсирующие расхождения позиций двух стран по ключевым вопросам

⁷ РИА Новости http://ria.ru/syria_peace/20151216/1342971425.html

мировой политики. Однако спрос и предложение на этот раз не совпали. «Золотой период» российско-турецкой дружбы себя исчерпал.

Сценарии урегулирования российско-турецких отношений

Если исходить из тезиса, что любая война — вне зависимости от уточняющих ее эпитетов («холодная», «гибридная» и т. д.) — заканчивается переговорами о мире, примирение между Россией и Турцией, в одночасье превратившимися из стратегических партнеров в стратегических противников, неизбежно. История двусторонних отношений дает возможность выдвинуть несколько возможных сценариев такого примирения.

Первый сценарий уже можно считать нереализованным. Он предполагал согласие на российские условия примирения: это публичные извинения, наказание виновных и компенсация ущерба. Самый щепетильный момент — это публичные извинения. У Москвы и Анкары расходятся представления о формате извинений. Для Турции это — выражение сожаления, что, собственно, президент Эрдоган и сделал в своем первом интервью по горячим следам инцидента («если бы мы знали, что это российский самолет, мы бы действовали иначе»⁸), а премьер Давутоглу реализовал в форме операции по возвращению тела российского пилота в РФ со всеми воинскими почестями. Для России же извинения — это сатисфакция, то есть политическая ответственность за причиненный вред от международно-противоправного действия. Турция не чувствует необходимость извиняться в таком формате, так как считает, что защита собственных границ не может быть нарушением международного права.

Второй сценарий — «сакральная жертва»: он тоже напрямую связан с признанием если не вины за инцидент с Су-24, то, по крайней мере, ошибки (действия верны по сути — защита национальных границ есть главная обязанность государства, но неправильны по форме и содержанию). Теоретически Эрдоган мог бы пойти на отставку видной фигуры из военного или политического руководства страны, к чьей ответственности возможно было бы отнести атаку на российский самолет, — от главы правительства до командующего ВВС. Многие турецкие блогеры активно внедряли в повестку дня общественной дискуссии тему отставки генерала Абидина Унала, командующего воздушными силами Турции. Однако этот сценарий тоже сопряжен с серьезными имиджевыми потерями, и поэтому его реализация маловероятна.

Третий сценарий — затяжное изживание конфронтации, связанное со сменой политических элит и обновлением/сменой правящих режимов. По такому сценарию проходило налаживание отношений между Москвой и Анкарой после Второй мировой войны (тогда руководство СССР предъявило Турции за ее лукавый нейтралитет ультиматум с территориальными претензиями). Примирение растянулось на несколько десятилетий, проходило после смены политического руководства двух стран (Сталин умер в 1953 г.; Исмет Инёню, лишившись президентского поста в 1950 г., перестал быть политиком номер один) и было очень затратно для Москвы, выступившей одним из главных спонсоров индустриализации Турции. Фактически в пользу этого сценария

⁸ http://www.bbc.com/turkce/haberler/2015/11/151126_erdogan_rusya_suriye

говорит риторика Москвы, подчеркивающей существование конфликта не с Турцией, а с действующим политическим руководством Турецкой Республики.

Формально президентские полномочия Эрдогана истекают в 2019 г., и у него есть право баллотироваться на второй пятилетний срок. В истории Турции, конечно, есть примеры досрочного прекращения полномочий главы государства — прежде всего как итог военного переворота. О такой угрозе давно начали говорить турецкие⁹ и западные СМИ¹⁰ в контексте обострения турецко-курдского противостояния. Теоретически подобный переворот должен быть осуществлен в тот момент, когда характер противостояния с РПК перейдет в формат гражданской войны. Однако радикальная трансформация военно-гражданских отношений за последние 15 лет привела к практически полной утрате военной элитой политической субъектности; чистки в армейской среде позволили поставить армию под контроль гражданского правительства, а главное — привить вновь назначаемым армейским командирам неприятие к военным переворотам. В совокупности это делает маловероятным совершение переворота в обозримой перспективе.

⁹ http://www.zaman.com.tr/yorum_turkiyede-bir-ic-savas-cikar-mi_2310165.html

¹⁰ <http://www.spiegel.de/international/world/with-attacks-on-pkk-erdogan-risks-civil-war-in-turkey-a-1046196.html>